

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XIX

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

В. А. Чернышев

**«ДЖАНАПАДА АНДОЛАН»
(ДВИЖЕНИЕ ЗА НАРОДНЫЙ ЯЗЫК):
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Обычно, когда говорят о движениях по языковому вопросам в Индии, прежде всего ссылаются на борьбу бенгальского народа против осуществленного в 1905 г. раздела Бенгалии, движение за создание лингвистических провинций, начавшееся в 1908 г. и продолжавшееся вплоть до завоевания независимости, реорганизацию штатов 1956 г. и сопутствующие ей события.

Применительно к хиндиязычному ареалу до недавнего времени бытовало мнение, что таких движений здесь никогда не возникало. Новые материалы, однако, дают основание утверждать, что движение по лингвистическим вопросам в областях распространения хинди является реальным фактом общественной жизни данного ареала в последнее сорокалетие.

Движение по лингвистическим вопросам в хиндиязычном ареале всегда называлось «джанапада андолан»¹.

Область распространения хинди (хиндиязычный ареал) охватывает огромные территории Северной Индии: штаты Уттар-

¹ «Андолан» — слово санскритского происхождения. В настоящее время оно является достоянием современной лексики хинди, где за ним закрепилось значение «движение» в общественно-политическом его понимании. Слово «джанапада» с незапамятных времен употреблялось в санскрите, откуда оно перешло в современные индоарийские языки, прежде всего в хинди. «Джанапада» обозначает «какую-либо определенную, населенную людьми территорию или область», или, если перенести акцент на другой аспект этого понятия, — «какую-то человеческую общность, заселяющую определенную территорию». На протяжении истории это слово сохраняло свой первоначальный фонетический облик, хотя смысл его претерпевал существенные изменения. Однако как бы ни менялся смысл понятия «джанапада», на всех этапах развития общества оно обозначало какую-то общность людей, неизменными признаками которой оставались общность языка, единая культурная традиция и привязанность к какой-то общей территории проживания [37, 233—242; 35, 211]. Поскольку «джанапада андолан» охватывало не всю Индию, а лишь территории распространения хинди, и в первую очередь оно преследовало культурно-лингвистические цели, мы с известной долей условности переводим это понятие на русский язык как «движение народностей, населяющих хиндиязычный ареал, за утверждение народного языка», или сокращенно — «движение за народный язык».

Прадеш, Хариана, Бихар, Мадхья-Прадеш, Раджастхан, Химачал-Прадеш и союзную территорию Дели. Общая площадь ареала составляет примерно 1360 тыс. кв. км, население, согласно переписи 1961 г., — около 190 млн., а в 1971 г. — почти 230 млн.

В качестве языка обучения, официального делопроизводства и основных средств массовой коммуникации в данном ареале используется литературный хинди, или просто хинди. Этот язык (точнее было бы сказать, «литературный стиль») сложился на базе кхари боли, городского просторечия Северной Индии, в основу которого легли фонетические и лексико-грамматические нормы диалекта каурави, распространенного в районе Дели — Мератха. Городской говор этих мест получил широкое распространение среди городского населения Северной (и не только Северной) Индии, так как это был говор Дели — города, занимавшего выгодное положение на скрещении многих торговых путей и на протяжении столетий остававшегося столицей правителей Индии.

Как функциональному, преимущественно книжно-литературному стилю, хинди свойственно предельное насыщение санскритской лексикой и использование графики деванагари, или нагари. Другим литературным стилем кхари боли, сложившимся на той же основе, является урду. Для урду в отличие от хинди характерно насыщение арабо-персидской лексикой и использование слегка модифицированной арабской графики. Поскольку урду сложился гораздо раньше хинди и первые образцы хинди во многих случаях представляли собой транслитерацию текстов урду шрифтом деванагари, ряд ученых и общественных деятелей современной Индии склонны рассматривать хинди как урду, написанный графикой нагари с заменой арабских и персидских слов заимствованными из санскрита [19, 48—49; 39].

По Конституции независимой Индии хинди провозглашен официальным (государственным) языком страны. Наряду с хинди официальным языком Индии объявлен также английский язык, являющийся важным (а по существу — основным) средством межнационального общения в такой многоязычной стране, как Индия [56, 32].

Если городское население хиндиязычных областей использует хинди (либо урду) в общественной жизни, а в семейной жизни и в кругу землячества города продолжает процветать диалект, то для жителей села, составляющих свыше 80% населения данного ареала, диалект является основным, а подчас и единственным средством коммуникации.

Население (сельское, как правило, городское — в значительной степени) хиндиязычных областей говорит на многих говорах, поддиалектах, диалектах и т. п. Маршрут по Северной Индии, если идти с востока на запад или с севера на юг, бу-

дет представлять собой непрерывную лингвистическую цепь, соседние звенья которой почти не отличаются друг от друга, весьма же удаленные существенно разнятся между собой. Все эти говоры, поддиалекты и диалекты по степени близости группируются в более широкие языковые общности, которые по традиции, идущей еще со времен английского господства, также называют диалектами, хотя эти супердиалекты — нечто гораздо большее, чем просто диалект, как он обычно понимается в языкознании.

Прежде всего подобные супердиалекты существенно отличаются друг от друга лингвистически. Различия между ними наблюдаются главным образом в лексике и грамматике, в меньшей степени — в фонетике. Хотя общий для кхари боли и диалектов фонд лексики, по мнению некоторых ученых, составляет до 70% словарного состава [13, 34], охватывая корневые глаголы и общеупотребительные слова самого различного происхождения, слой специфической лексики составляет не менее 30% словарного состава диалектов, а нередко и больше [4, 39—41]. Грамматический строй кхари боли и диалектов, входящих в орбиту его распространения, также во многом совпадает, обладая чертами общности как в парадигмах имени и глагола, так и средствах связи между словами в предложении. Вместе с тем диалекты, взятые отдельно или в совокупности как супердиалекты, имеют и существенные отличия от кхари боли и его литературных стилей [там же, 41—44, 102—128]. Достаточно сказать, что наиболее примечательную черту западных диалектов составляет эргативный строй предложения, а для восточных диалектов, наоборот, характерен номинативный строй.

Далее, охватывая множество локальных разновидностей речи (говоров, поддиалектов, диалектов), подобные супердиалекты служат средством коммуникации для огромных масс населения, насчитывающих миллионы и даже десятки миллионов носителей (к примеру, на бходжпури говорит около 35 млн. человек [53, 16.III.1966], на брадже — свыше 13 млн. [4, 103]).

Самое же существенное заключается в том, что супердиалект гораздо шире, чем «диалект» в привычном понимании, и по социальным функциям. В отличие от диалекта, употребление которого ограничено обычно сферой семейно-бытовой и лишь отчасти общественной, почти все супердиалекты хиндиязычного ареала находят применение в прессе, радио, кино, литературно-художественном творчестве, отчасти в низших звеньях госаппарата.

Конечно, в литературе, которая создается на том или ином из супердиалектов хиндиязычного ареала, еще не выработалось единых норм, характерных для развитого литературного языка. Однако в последние годы все заметнее и ощутимее становится тенденция к унификации и нивелировке местных раз-

личий. Диалекты, употребляемые в средствах массовой коммуникации, естественно, уже в какой-то степени проходят процесс унификации: через художественную литературу, прессу — там, где она есть, через словари и грамматики, которые создаются в связи с изучением того или иного диалекта, и т. п.

Писатели, создающие свои произведения на местных формах речи, стремятся приблизить язык своих стихов и рассказов к определенному, считающемуся образцовым, говору (адарш-боли). Как правило, это говор того района, который расположен в центре данной диалектной области и является наиболее развитым экономически. Так, для бходжпури адарш-боли считается говор городов Ара и Балия, для мальви — говор Уджайна, для браджа — Матхуры, для авадхи — Айодхьи. Города, говоры которых в процессе исторического развития выдвинулись на роль адарш-боли, являются не только культурными и политическими центрами, но и в большинстве случаев важнейшими и наиболее почитаемыми местами паломничества, которые, издревле привлекали людей со всей Индии и более всего — из ближайших к ним местностей. Эти традиционные связи наряду с экономическими имеют большое значение для языковой консолидации, выработки единых норм, нивелировки местных различий.

Иными словами, те формы речи, которые по традиции, идущей от эпохи колониального господства, именуется «диалектами», а мы назвали «супердиалектами», — это, по существу, не что иное, как региональные языки, которые существенно отличаются от кхари боли и его литературных стилей, обслуживают огромные массы населения, в определенной мере используются в средствах массовой коммуникации, однако не получили официального признания и потому не применяются в школе и в официальном делопроизводстве.

Понимая, что «диалект» и «региональный язык» («супердиалект») — понятия далеко не равнозначные, индийские ученые, пишущие на хинди, для первого используют термин «боли», для второго — «упабхаша» (предъязык), «прадешик бхаша» (язык штата), либо просто «бхаша» (язык) в отличие от «раштра-бхаша» (национального языка) или «радж-бхаша» (официального языка) — хинди.

Региональные языки, входящие в орбиту распространения кхари боли и его литературных стилей, объединяются в пять групп. В центре хиндиязычного ареала располагается группа «пачханха» (западные). В их число входят брадж, бунделькханди, канауджи, каурави и хариани. Из них лишь на брадже и бунделькханди создается литература; остальные, не имея литературы и подвергаясь интенсивному воздействию со стороны городского просторечья и официально признанного литературного языка, все более приобретают черты диалектов. К востоку от пачханха расположены региональные языки

группы пурби (восточные): авадхи, бахели и чхаттисгархи. Богатая литературная традиция, не угасшая и поныне, существует на авадхи. Создаются литературные (главным образом стихотворные) произведения на чхаттисгархи. Далее на восток располагаются региональные языки группы «бихари» (бихарские): бходжпури, магахи, майтхили. На всех бихарских языках существует и развивается литература. На западе хиндиязычного ареала распространены региональные языки группы «раджастхани» (раджастханские). Основной среди них — марвари, на котором существует богатая литературная традиция. Остальные постепенно низводятся до положения диалектов. На севере данного ареала располагаются региональные языки группы «пахари» (горские). Основные среди них — гархвали и кумаони.

Между кхари боли и его литературными стилями, с одной стороны, и региональными языками данного ареала — с другой, происходит постоянный интенсивный процесс взаимодействия. Получивший статус государственного языка хинди развивается, пополняя свои «лексические кладовые» в значительной мере за счет региональных языков, вбирая из них специфичную или наиболее выразительную лексику, меткие слова и выражения, а также живость и непосредственность речи, которая свойственна разговорному языку деревни. В то же время хинди воздействует на региональные языки, способствуя их развитию и обогащению, прежде всего лексики. Все, что вошло в хинди из санскрита и других языков, очень скоро становится достоянием региональных языков, адаптируясь в соответствии с фонетическими и лексико-грамматическими нормами каждого из них, а их словарный состав пополняется новой, прежде всего терминологической лексикой, которая в последние десятилетия все более приобретает общеиндийский характер. Способствуя сближению хинди и региональных языков, этот процесс одновременно выравнивает степень их развития, повышая шансы последних на признание в качестве самостоятельных языков.

Если сравнить данные переписей населения, проводившихся после принятия Конституции, когда официальная языковая политика была направлена на всемерную поддержку и распространение хинди, то увидим, что носители ряда региональных языков утратили сознание отдельности своей формы речи (это вполне естественно, если учесть возросшее за годы независимости влияние хинди), но в то же время наблюдается значительный рост численности тех, кто назвал тот или иной бхаша в качестве родного языка. Больше всего это относится к тем региональным языкам, которые распространены на периферии хиндиязычного ареала — раджастхани, майтхили, магахи, бходжпури [5, 83—93].

Движение за народный язык (джанапада андолан) зародилось в 30-х годах, когда в национально-освободительное дви-

жение стала вовлекаться индийская деревня. Для того чтобы до деревни доходили призывы и лозунги Индийского национального конгресса — партии, возглавлявшей борьбу за независимость, с крестьянством надо было говорить на понятном ему языке. Хинди (как и урду) и ориентировавшееся на него городское просторечие были мало понятны для крестьянина и поэтому лишь в весьма ограниченной степени пригодны для этой цели. Нужно было либо переходить на язык деревни, либо сближать с ним существующие литературные формы кхари боли, прежде всего хинди. Объективная потребность в языке, понятном огромной крестьянской аудитории данного ареала, породила то течение общественной мысли, которое позже получило название «джанапада андолан».

Первым сложилось то крыло «джанапада андолан», которое можно назвать умеренным. Его оформление связано с именем известного общественного деятеля и публициста Банарасида Чатурведи (род. в 1892 г.). Будучи в 1928—1937 гг. редактором издававшегося в Калькутте журнала «Вишал бхарат» («Великая Индия»), Чатурведи в одной из статей, опубликованной в феврале 1934 г., поднял вопрос о рассредоточении деятельности литературных организаций хинди — о создании наряду с имеющимися литературными организациями (в Бенаресе, Аллахабаде, Лакхнау, Патне и других крупных городах) новых обществ по пропаганде хинди на периферии хиндиязычного ареала, в областях распространения крупнейших диалектов — браджа, авадхи, бунделькханди и ряда других [34, 209]. Наряду с пропагандой хинди в задачу этих обществ должно было входить, по мнению Чатурведи, объединение местных литераторов, пишущих на хинди. Впоследствии свое предложение Чатурведи назвал одним словом — своего рода лозунгом — «викендрикаран» (децентрализация). Лозунг децентрализации преследовал цель создания наиболее благоприятных условий, более широкой базы для развития хинди, т. е. создания локальных литературных организаций, занятых сплочением писателей и пропагандой хинди по всей территории ареала.

Следствием выступлений Чатурведи было создание таких литературных организаций, как «Бунделькхандская литературная ассоциация», «Литературная ассоциация браджа», «Конференция раджастанской литературы» [там же, 209], «Литературный совет Авадха» [31, 23] и некоторых других, т. е. определенное оживление литературной деятельности на местах.

Однако к концу 30-х годов в некоторых районах, в частности в Митхиле и Раджастанхоне, движение переклестнуло рамки, поставленные его инициатором, и в качестве практической цели выдвинуло требование о переводе преподавания в школах соответственно на майтхили и раджастанхани [34, 210]. Учитывая настроение масс, Чатурведи в 1940 г. вынужден был поддерживать эти требования. «Нам необходимо создать союз, — писал

он, — в котором различные части империи хинди имели бы полную независимость, т. е. если раджастханцы хотят создавать учебники (вести преподавание в школе. — В. Ч.) на раджастхани, то будет справедливо предоставить им такую возможность» [32, 131]. В такой интерпретации лозунг «викендрикаран» приобретал совершенно иное значение: он призывал к возрождению и развитию диалектов и к признанию за наиболее развитыми из них права быть средством обучения в школе, хотя сам Чатурведи никогда не был сторонником таких мер.

Поэтому, хотя у истоков «джанапада андолан» стоял Чатурведи, оформление его чаще связывают с именем Васудэвшарана Агарвала (1904—1966), в то время куратора музея в Лакхнау. В 1940 г. была опубликована его «Программа на благо джанападам» [7, 17—20], в которой В. Агарвал — знаток санскрита и индийской древности, основываясь на данных о «джанападах» в «Махабхарате» и пуранах, приходил к выводу, что территории, заселенные народами, говорящими на диалектах, — это те же самые «джанапады».

Основная цель, выдвинутая д-ром Агарвалом, — изучение языка и культуры ареала распространения хинди, прежде всего лексики диалектов и деревенских говоров. По существу, это была программа, которая вопреки своему названию была создана в интересах хинди, ибо она призывала изучать народную культуру и язык, собирать и издавать словари и произведения фольклора с единственной целью — пополнять и обогащать лексический состав и выразительные возможности литературного хинди. В этом смысле план Агарвала был продолжением и развитием лозунга «децентрализации» Чатурведи в том его значении, которое тот имел до 1940 г.

Мощным импульсом для «джанапада андолан» послужило завоевание Индией независимости и провозглашение хинди официальным языком Индийской Республики, законодательно закрепленное Конституцией страны. Хинди, получивший столь высокий статус, нуждался в обогащении и совершенствовании, прежде всего его лексического состава. Призванный осуществлять многообразные функции государственного языка, хинди не обладал для этого необходимыми лексическими ресурсами, не располагал разработанной и общепринятой терминологией. Были созданы правительственные комиссии и комитеты по разработке и внедрению терминологии. На помощь своему раджбхаша спешили его энтузиасты. Не последнюю роль среди них сыграли деятели «джанапада андолан». Цели, намеченные теми, кто заложил основы движения, приобрели необычайную актуальность.

«Джанапада андолан» вступало в новый этап своего развития. Не случайно поэтому, что организационно «джанапада андолан» оформилось почти сразу после принятия Конституции: в 1952 г. в Хатхрасе, небольшом городке неподалеку от Агры

состоялась конференция, посвященная вопросу о роли «джанапада андолан» в развитии хинди. По инициативе Чатурведи на конференции был создан Совет по связям между джанападами со штаб-квартирой в Бенаресе [11, 1967—1968, № 3—4, 50]. В состав Совета, кроме Чатурведи, вошли Агарвал, Удайнарайн Тивари, Хазарипрасад Дживеди, Сатьендра и другие общественные деятели и ученые. Органом Совета стал созданный в том же году журнал «Джанапада» [14, 2024 (1967), № 3, 23—24]. Совет функционировал в течение ряда лет и закончил свое существование к началу 60-х годов.

Однако необходимость в организации, которая бы координировала и направляла работу по изучению диалектов и диалектных зон, в 60-е годы стала ощущаться гораздо острее. Инициатором возрождения Совета по связям между джанападами снова выступил Банарасидас Чатурведи, который нашел горячую поддержку в научных и общественных кругах хиндиязычного ареала [14, 2024 (1967), № 3 и 4; 14, 2025 (1968), № 1]. Особую активность проявил Вриндавандас, председатель Всеиндийской ассоциации литературы на брадже в Матхуре [11, 1968, № 1]. Он предоставил страницы издаваемого им журнала «Браджд бхарати» сторонникам движения.

Усилия энтузиастов, ратовавших за изучение диалектов хиндиязычного ареала, увенчались успехом. На конференции, проходившей в Агре 14—16 апреля 1968 г. под председательством Чатурведи, Совет по связям с джанападами после многолетнего перерыва был воссоздан заново. Почетным председателем Совета, в состав которого вошли известные ученые, был единодушно избран ветеран «джанапада андолан» Банарасидас Чатурведи [14, 2025 (1968), № 2]. Первоочередной задачей Совета было признано издание словарей браджа, авадхи, бундели и бходжпури, работа над которыми была завершена или близилась к завершению, с тем чтобы на их основе приступить к созданию объединенного словаря диалектной лексики [там же].

В последние годы Чатурведи развернул широкую кампанию, направленную на то, чтобы привлечь к осуществлению программы умеренного крыла «джанапада андолан» учащуюся молодежь — студентов хиндиязычного ареала. По его инициативе студенты ряда колледжей, расположенных в зоне распространения браджа, активно включились в изучение деревни: ее истории, экономики, особенностей языка, материальной и духовной культуры и т. п. [30, 15—19]. Основное место в этих исследованиях занимает изучение местного фольклора и лексического состава деревенских диалектов. Материалы комплексного изучения отдельной деревни или района публикуются на страницах местных, издающихся колледжами журналов: публикации таких материалов обычно посвящается специальный номер журнала. За 1970—1971 гг. вышло в свет несколько таких но-

меров местных журналов: колледжи, расположенные в Котла и Сасни, например, выпустили номера, посвященные изучению жизни деревень, в которых они размещаются; журналы сельскохозяйственных колледжей, расположенных в Агре и Фирозабаде, предоставили свои страницы для публикации материалов комплексного исследования деревень, прилегающих к названным центрам [там же, 15].

Претворение в жизнь идей умеренного крыла «джанапада андолан», несомненно, способствует пополнению словарного состава современного хинди, обогащает его экспрессивные возможности, одновременно сближая его с народно-разговорной речью. Убедительным свидетельством этого могут служить многочисленные произведения о жизни индийской деревни последних лет, так называемые провинциальные романы и рассказы писателей хинди, посвященные изображению провинции, т. е. индийской деревни со всеми присущими ей социальными контрастами, этнографическими особенностями и языковым колоритом.

«Провинциальный роман» как специфическое явление литературы хинди возник в начале 50-х годов. Его рождение обычно связывают с романом Нагарджуна «Бальчанма», увидевшим свет в 1952 г. [3, 265]. Другими значительными произведениями этого рода явились романы бихарского писателя П. Рену «Грязное покрывало» и «Сказание о пустоши» [6]. Специфика этих романов, зафиксированная в слове «провинциальный», заключается в ярко выраженной местном колорите, который проявляется прежде всего в языке этих произведений: в отличие от санскритизированного «шуддх хинди», характерного для современной поэзии и прозы, язык «провинциальных романов» отмечен влиянием местных диалектов, прежде всего родного диалекта автора.

Для «провинциальных романов» характерно, что в качестве конструктивного элемента литературной речи в них широко используются те языковые средства (слова, выражения, формы слов и конструкции), которые, являясь принадлежностью того или иного диалекта, совсем не свойственны ни «шуддх хинди», ни его опорному диалекту [4, 56—95]. На данном этапе существования хинди эти явления представляют собой отклонение от строгих правил литературного языка, однако некоторые из них проявляют тенденцию к тому, чтобы со временем стать нормой литературного хинди. Обогащая лексику, конструктивные возможности и выразительные средства современного хинди, в социально-лингвистическом плане «провинциальные романы» объективно способствуют сближению книжно-литературного стиля с народно-разговорной речью.

Бок о бок с умеренным крылом «джанапада андолан» в независимой Индии активизируется деятельность его радикального крыла — местной интеллигенции, направленная не на обо-

гашение хинди за счет местных форм речи, а на всемерное расширение сферы социального функционирования самих региональных языков с целью сделать их наряду с хинди средством коммуникации во всех сферах жизни. Особенно рельефное выражение эта деятельность находит в становлении и развитии региональных литератур, т. е. тех литератур, которые создаются на региональных языках и, существуя рядом с литературами хинди и урду, постепенно завоевывают себе официальное признание.

На периферии хиндиязычного ареала, в диалектных зонах создаются литературные кружки, общества и ассоциации, ставящие целью развитие региональных языков, выходят в свет литературные произведения (стихотворные и прозаические) на региональных языках, предпринимаются усилия, чтобы создать и утвердить прессу на майтхили, бходжпури, раджастанхрани и других региональных языках.

Радикальное крыло «джанапада андолан» родилось под непосредственным влиянием успешного решения национального вопроса в Советском Союзе (именно в его среднеазиатских республиках), а его идеи и практическая деятельность, в сущности, представляли собой не что иное, как попытку, пусть не всегда последовательную и не во всем правильную, приложения к индийской действительности советского опыта языкового строительства [22, 25].

Процесс утверждения нового подхода к решению языковой проблемы в Северной Индии начинается со статьи «К вопросу о родных языках» известного общественного деятеля и ученого Рахула Санкритьяяна (1893—1962) [там же, 24—30]. Этот ученый, как свидетельствует содержание его статьи, был знаком с советским опытом решения национально-языковой проблемы, и успехи национальной политики советского государства произвели на него глубокое впечатление.

В своей статье Санкритьяян в отличие от Агарвала выдвигал требование — всюду перевести преподавание в школе на местные диалекты и всемерно способствовать их развитию, чтобы в будущем они могли функционировать во всех сферах жизни. «Я вовсе не противник того, чтобы собирать песни, сказки, пословицы и поговорки, существующие на диалектах, — писал Р. Санкритьяян, — наоборот, я самый активный сторонник этого, однако я совсем не хочу, чтобы на них смотрели как на мертвые музейные экспонаты... Я хочу, чтобы на местных языках выступали в местных парламентах, писали в судах, чтобы они стали средствами обучения повсюду — от начальной школы до колледжа и университета» [там же, 27].

Логическим выводом из этого было требование Санкритьяяна изменить административно-политическое деление и вместо провинций, приспособленных для нужд колониального аппарата, создать административные единицы, которые в наибольшей

степени могли бы удовлетворить культурно-лингвистические, экономические и политические нужды каждого народа. В статью был включен список местных языков данного ареала с указанием соответствующей ему «джанапады» и главного ее центра (столицы) [там же, 28]. Приведем этот список, ограничившись названиями лишь тех диалектов, которые распространены в хиндиязычном ареале, и в целях удобства несколько изменив их порядок:

Язык	Джанапада	Центр
каурави	Куру	Мератх
хариани	Хариана	Дели
брадж	Шурасена	Агра
бундели	Бунделькханд	Джханси
панчали	Рухелькханд	Барели
марвари	Марвар	Джодхпур
байрати	Вирата	Джайпур
мевари	Мевар	Удайпур
мальви	Мальва	Уджайн
гархвали	Гархвал	Шринагар
курмачали	Курмачал	Альмора
косали	Косала (Авадх)	Лакхнау
ватси	Ватса	Праяг
чедика	Чеди	Джабальпур
багхели	Багхелькханд	Рева
чхатгиси	Чхаттисгарх	Биласпур
кашика	Каши	Варанаси
маллика	Малла	Чхапра
баджика	Баджи	Музаффарпур
майтхили	Видеха (Тирхут)	Дарбханга
ангика	Анга	Бхагальпур
магадхи	Магадха	Патна

Этот список представлял собой своеобразную социально-лингвистическую модель хиндиязычного ареала, которая, будучи приложена к политике, становилась и схемой для коренного пересмотра существовавшего в те годы административно-политического деления областей распространения хинди. Усматривая в данном ареале наличие 22 «джанапад», автор предлагал создать на базе каждой из них отдельную административно-политическую единицу (провинцию). В своем радикализме Санкритьяян дошел до того, что потребовал создания самостоятельной провинции (со столицей в Мератхе) даже для населения тех территорий, где распространен каурави — диалект, легший в основу как урду, так и хинди.

Свою модель Санкритьяян строил на основе лишь историко-филологических данных, не принимая во внимание ни степени развития диалектов, ни объема осуществляемых ими общественных функций, ни многих других факторов социально-лингвистического плана. Для него, не без иронии замечали его оппоненты, «не существовало никакой разницы между Индией 1943 г. и джанападами VI в. до н. э.» [44, 28]. Схема Сан-

критьяна не учитывала и того, насколько население той или иной диалектной области осознает отдельной используемую им форму речи. В результате такого подхода автор в ряде случаев признавал отдельность даже тех форм речи, которые и лингвистически, и социально-психологически выступают как составная часть более широких языковых общностей. В качестве отдельных языков Санкритьяна признавал, в частности, кашика, маллика и баджика, являющиеся локальными разновидностями бходжпури — единой формы речи, бытующей в ареале складывающейся бходжпурской национальной общности. Он провозглашал отдельность ангика — совокупности пограничных диалектов между майтхили и магахи, произвольно дробил бунделькхандскую языковую общность, деля ее на собственно бундели и чедика.

Схема Санкритьяна была создана без достаточного учета как объективных, так и субъективных факторов и лишена конкретно-исторического подхода. В этом заключался ее основной методологический изъян, обусловивший ее практическую неприменимость, хотя основная мысль автора — о расширении сферы социального функционирования диалектов и возможности на этой основе превращения их в самостоятельные языки — сохраняет свое значение и до настоящего времени.

Высказанные Санкритьяном идеи вызвали живейший интерес в научных и общественных кругах Северной Индии. Общественные деятели и литераторы Митхили, Раджастхана и Бунделькханда, где уже со времени выступления Чатурведи началось движение за родной язык, восприняли статью Санкритьяна как конкретную программу действий, полностью отражавшую их национально-лингвистические устремления [34, 221]. В поддержку Санкритьяна высказался также ряд видных ученых и общественных деятелей. Одним из первых отозвался крупнейший индийский филолог Сунити Кумар Чаттерджи.

Не видя необходимости в столь дробном, как у Санкритьяна, членении хиндиязычного ареала, Чаттерджи, однако, полностью поддержал основную идею автора. «Я за „децентрализацию“ в том смысле, как ее понимает Санкритьяан, — писал Чаттерджи, — особенно тех провинций, где используются не диалекты, а особые с точки зрения грамматики отдельные языки. Поэтому, по моему мнению, принятие плана подобной „децентрализации“ для бходжпури, майтхили, раджастхани, косали (или пурби)... будет вполне уместным и нетрудным» [17, 115].

Выступил даже такой активный сторонник и пропагандист хинди, как Дхирендра Варма, один из ведущих лингвистов, известный своими трудами по истории хинди. «Я вовсе не против местных диалектов Мадхьядеш² и местной культуры, наобо-

² Мадхьядеша — традиционное название области в Северной Индии, простирающейся по долине Ганга от Панджаба на Западе до древнего Праяга (Аллахабада) на востоке.

рот, я полностью за них,— писал он.— Да я и сам принадлежу к одной из „джанапад“, и мой родной язык — один из местных диалектов, поэтому, как я могу быть противником такого принципа? Я готов идти дальше и признать, что... если какая-либо „джанапада“ захочет отделиться от литературных связей Мадхьядеши, ей непременно следует предоставить возможность удовлетворить свое желание. Подлинная связь в большой семье основывается на любви и самоотречении, а не на корысти и упрямстве» [там же, 129].

Идеи Санскритьяна поддержал также Амарнатх Джха — известный просветитель и исследователь литературы хинди. Отмечая значение хинди как общего литературного языка народов Северной Индии, Джха вместе с тем ратовал за развитие местных языков. «Конечно, наш национальный язык — хинди и только хинди, — писал Амарнатх Джха. — Однако следует признать, что всякому носителю местного языка удобнее и легче говорить на родном языке. Для жителя Брэджадеши, к примеру, брадж — самый легкий и благозвучный язык. То же самое можно сказать и о других местных языках» [там же].

Многие другие, менее известные ученые, литераторы, общественные деятели, собиратели фольклора, нисколько не умаляя (наоборот, всячески подчеркивая) значение хинди как языка-посредника, также выступили за всемерное развитие местных языков, которое настоятельно диктуется как потребностями национально-освободительного движения, так и необходимостью просвещения народа, развития страны по пути демократии и прогресса. «Джанапада андолан — не против хинди, но за развитие местных языков», — заявил Ш. Чаухан [37, 230].

Развивая мысль о взаимоотношениях между языками в будущей независимой Индии, он писал далее: «Империализм ради своего удобства держал различные нации страны в пределах одной административной единицы. Нам казалось, что мы едины, в действительности же это было насильственное объединение узников в стенах одной тюрьмы. Основой такого фальшивого единства было рабство, гнет и деспотизм империалистов. Когда мы станем свободными, взаимоотношения между членами единой семьи нам придется строить на совершенно иной основе, если мы захотим сохранить единство и неделимость этой семьи» [там же, 230—231].

Еще на первых этапах «джанапада андолан», когда движение не выходило за рамки программы умеренного крыла, в его пользу выступали многие организации хинди, в том числе и наиболее влиятельная — аллахабадская Конференция литературы хинди (ХСС). В частности, на одной из конференций ХСС, проходившей в 1942 г. в Хардваре, было сформулировано положение, что «культура Индии сосредоточена в джанападах» [там же, 216].

Однако в связи с ростом радикальных настроений среди

местной интеллигенции после выхода в свет статьи Санкритьяяна, отношение ХСС к движению кардинально меняется. Уже на следующей сессии этой организации в Джайпуре в решении было записано, что «джанапада андолан» наносит ущерб развитию хинди [там же, 226—227]. Как реакция на это решение, односторонне освещавшее роль «джанапада андолан», в августе 1944 г. вышел специальный номер журнала «Мадхукар», который издавался в Тикамгархе (княжество Орчха) под редакцией Б. Чатурведи, — целиком посвященный «джанапада андолан» [17]. В этом номере были представлены статьи и выступления видных ученых и общественных деятелей Северной Индии о характере и целях этого движения.

Во вступительной статье один из активных деятелей движения, Джагдиш Прасад Чатурведи, анализируя основные течения «джанапада андолан» заключил, что вопрос о «джанападах» и диалектах совсем не академический, ибо, по существу, это вопрос о путях приобщения широких народных масс к современному знанию или — более широко — вопрос о пробуждении страны к активной общественной жизни. Особый упор при этом автор статьи делал на то, что диалекты не умерли — они продолжают развиваться и «в настоящее время литература хинди по преимуществу представляет собой литературу на диалектах» [там же, 16]. На основе этого автор пришел к выводу, что хинди не может быть единственным литературным языком ареала: диалектам должно быть отведено подобающее место в общественной жизни соответствующих областей [там же, 26].

Выход специального номера журнала «Мадхукар» достиг своей цели: к «джанапада андолан» было привлечено внимание индийской общественности. Рассмотрению роли «джанапада андолан», прежде всего его радикального крыла, было посвящено, в частности, заседание Совета Ассоциации прогрессивных писателей Соединенных Провинций (ныне штат Уттар-Прадеш), состоявшееся в первых числах ноября 1944 г., где с большим докладом выступил Шивдансинх Чаухан.

Изложив историю «джанапада андолан», проанализировав его требования и лозунги на различных этапах, аргументы его сторонников и противников, Чаухан от имени прогрессивных писателей хинди поддержал основную идею, высказанную в статье Санкритьяяна, — о переводе просвещения на местные языки и приобщении народа к политике и культуре на его родном языке, не умаляя, однако, при этом роли и значения хинди. Обосновав позицию прогрессивных кругов Индии правом каждой нации на самоопределение, прежде всего в сфере национально-языковой, и призвав к созданию местных прогрессивных писательских союзов, которые объединяли бы всех местных литераторов, Чаухан дал классификацию «джанапад» и используемых ими региональных языков. Эта классификация настолько любопытна, что мы позволим себе привести ее полностью.

«„Джанапады“ Мадхьядеши развиты весьма неравномерно,— пишет Чаухан,— с точки зрения языка, литературы и культуры. Одни из них более развиты, другие весьма отстали. Численность населения одних „джанапад“ равна населению некоторых государств Европы, а численность населения других незначительна... В таких условиях невозможно, чтобы все местные прогрессивные литературные союзы имели единую программу, так же как не могут быть едиными и выдвигаемые ими требования. На основе учета современного состояния языка и литературы различных „джанапад“ целесообразно разделить „джанапады“ Мадхьядеши на три группы:

1) „Джанапады“ распространения таких языков, как мевати, мальви, джайпури, марвари, майтхили, бходжпури, косали, бундели и брадж. Численность говорящих на этих языках велика, и на них имеется древняя литература. Следовательно, после минимальных усилий эти языки могут стать средством обучения в средней школе в областях своего распространения.

2) „Джанапады“ таких языков, как магахи, багхели, чхаттиггархи, канауджи, бангару, кумаони, гархвали. По численности населения первые пять являются большими языками, хотя на них нет древней литературы, и, следовательно, для того чтобы создать на них первоклассную литературу, потребуется время. После определенных усилий эти языки могут быть сделаны средством обучения лишь в начальной школе (до шестого класса).

3) „Джанапады“ таких языков, как джаунсари, кьонтали, кулуи и чамбали. Число говорящих на этих языках незначительно, они отсталые. Следовательно, для того чтобы перевести их на графику деванагари и создать на них необходимые учебники, потребуется время. Лишь после значительных усилий эти языки можно сделать средством обучения азбуке, т. е. на них можно давать лишь начальное образование (до третьего класса)» [35, 263].

Схемы Санкритьяяна и Чаухана кардинально различаются между собой. Классификация, предложенная Чауханом, вносит существенные коррективы в схему Санкритьяяна. Самое существенное отличие заключается в том, что в схеме Санкритьяяна все «джанапады» даются единым списком, без какой-либо попытки разграничить их с учетом сферы функционирования (и, следовательно, уровня развития), а классификация Чаухана представляет собой дифференцированную трехчленную схему, построенную с учетом основных социальных факторов, которые определяют диапазон функционирования и, следовательно, уровень развития того или иного регионального языка. Во-первых, в основу построения схемы Чаухана положены следующие объективные факторы: географический (территория расселения носителей языка), демографический (численность говорящих на том или ином языке) и культурно-исторический (наличие или

отсутствие литературной традиции), а также некоторые факторы субъективные: социологический (отношение носителей к своему языку) и отчасти политический («джанапада андолан»; позиция различных организаций, занятых пропагандой хинди, к местным языкам данного ареала).

Во-вторых, в результате такого функционального подхода в схеме Чаухана не вычленяется каурави — опорный диалект хинди и урду: хинди, лишенный корней в схеме Санкритьяяна, вновь обретает опору в народной речи носителей каурави в схеме Чаухана.

В-третьих, на основе более строгого учета лингвистических, социологических и функциональных критериев в схеме Чаухана нет той дробности членения, которая характерна для схемы Санкритьяяна: вместо «бундели» и «чедика» у Санкритьяяна, у Чаухана фигурирует единый язык — «бундели»; вместо «ватси» и «багхели» — единый язык «багхели»; вместо «кашика», «маллика» и «баджика» — единый язык «бходжпури» и т. п.

Наконец, последнее отличие заключается в том, что в схеме Чаухана появляются мелкие языки горных областей Северной Индии, которых не было в списке Санкритьяяна.

Схема Чаухана явилась значительным шагом вперед на пути более адекватного отражения реальной языковой ситуации в хиндиязычном ареале. Это позволило более дифференцированно подходить к оценке значения «джанапада андолан» в различных областях хиндиязычного ареала, а также воздействовать на него, подчиняя «движение за народный язык» целям общенародной борьбы за освобождение страны от колониального ига. Конечно, это совсем не означает, что схема Чаухана лишена недостатков. Недостатки — и весьма существенные — в ней есть, однако они объясняются малым объемом имевшейся в то время информации и свойственной прогрессивным силам того периода переоценкой роли субъективного фактора.

Признав необходимость дальнейшего изучения вопроса, Совет Ассоциации прогрессивных писателей Соединенных Провинций принял по докладу резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Совет приветствует „джанапада андолан“ в областях распространения раджастхани, майтхили, бунделькханди и браджбхаша, исходя из того, что это движение свидетельствует о стремлении народов, проживающих в этих провинциях, к свободному, всестороннему и здоровому развитию своего языка и культуры» [там же, 317]. Выразив сожаление по поводу решения состоявшейся несколькими месяцами ранее джайпурской сессии ХСС, Совет особо подчеркнул необходимость развития региональных языков для просвещения масс и для становления подлинно народной литературы. «Совет придерживается того мнения, — говорилось далее в резолюции, — что исторически „джанапада андолан“ представляет собой результат роста национального самосознания. Это самосознание находит свое про-

явление в демократическом требовании народов различных провинций — предоставить им право сохранять и развивать свой язык и культуру» [там же].

Доклад Чаухана и резолюция Совета Ассоциации прогрессивных писателей Соединенных Провинций имели большое значение для судеб радикального крыла «джанапада андолан». Это была первая попытка дать ему трезвую оценку и оказать ему содействие и поддержку. И хотя дальнейшие события в Индии — завоевание независимости и раздел страны, трудности первых лет развития и борьбы с объединенными силами внутренней и внешней реакции — отодвинули вопрос о региональных языках хиндиязычного ареала на задний план, эта резолюция и ныне остается в арсенале прогрессивных сил Индии, борющихся за социальный прогресс, демократию и социализм.

Подъем массовой национально-освободительной борьбы и завоевание Индией независимости явились той революционной встряской, которая вызвала к активной жизни целый ряд новых наций и национальных групп Индии, интенсифицировала процесс их складывания и развития. В хиндиязычном ареале, ускорив процесс складывания региональных языков и литератур, это послужило мощным импульсом для радикального крыла «джанапада андолан». Под влиянием общественного подъема и идей «джанапада андолан» в Индии небывало повышается интерес к региональным литературам и их первоэлементу — фольклору.

Непосредственным результатом воздействия идей «джанапада андолан», прежде всего его радикального крыла, на интеллигенцию хиндиязычного ареала в условиях независимой Индии явилась серия монографий по истории отдельных региональных литератур. Интеллигенция обретшей независимость страны открывала для себя и старалась осмыслить богатейшие пласты питающейся народными истоками литературы прошлого и современности, которая, не входя ни в какие учебные программы, продолжает создаваться на региональных языках.

Хронологически первой работой такого рода был двухтомный труд Джаяканты Мишры по истории майтхильской литературы [50]. В ней Мишра дал историю литературы своего народа с момента ее зарождения (XIV в.) до наших дней, показав непрерывность и богатство литературной традиции на майтхили, которому вплоть до последнего времени отказывали в праве на самостоятельное существование, причисляя его то к диалектам бенгали, то к диалектам хинди. В 1951 г. ХСС издает аналогичную книгу Мотилала Менарии по раджастанской литературе [18].

С начала 50-х годов крупнейшее делийское издательство «Раджкамал пракашан» публикует серию очерков по важнейшим индийским литературам под общим названием «Знакомство с индийской литературой». Программа издания была наме-

чена весьма обширная: в серию должны были войти 27 очерков по основным литературам Индии древности и современности. Из них увидело свет менее половины. Что касается очерков региональных литератур хиндиязычного ареала, то из задуманных 11 очерков было опубликовано только 3: Шьяма Пармара по литературе мальви [20], Трилокинарайна Дикшита по литературе авадхи [16] и очерк бходжпурской литературы, принадлежащий перу известного собирателя фольклора Кришнадева Упадхья [25]. Авторы этих трех очерков по-разному подходят к описываемым ими формам речи. Если Дикшит рассматривает авадхи всего лишь как диалект хинди, то Пармар и Упадхья утверждают, что рассматриваемые ими формы речи соответственно мальви и бходжпури — это совсем не диалекты, а самостоятельные языки.

Бихарское общество по пропаганде хинди — Бихарский совет национального языка (Патна) издает отдельной книгой цикл лекций по языку и литературе бходжпури, прочитанных студентам Патнинского колледжа крупнейшим исследователем бходжпури Удаинарайном Тивари в марте 1951 г. [24]. Тивари не только последовательно рассматривает бходжпури как самостоятельный язык, на котором существует довольно длительная литературная традиция, получившая особо интенсивное развитие в последние десятилетия, но и вслед за Санскритьяном высказывает пожелания административно-политического плана. «Даже после того как бходжпурцев разделили между двумя штатами, — пишет Тивари, — они ничем не стали отличаться друг от друга: ни языком, ни культурой, ни образом жизни... Все это поддерживает чувство единства между бходжпурским населением, живущим в двух разных штатах. Однако если бы еще все говорящие на бходжпури вошли в состав единого штата, то это чувство единства стало бы еще более прочным» [там же, 10].

Хотя к концу 50-х годов серия «Знакомство с индийской литературой» перестала выходить, ее почин не загдох, а нашел продолжение в трудах исследователей, занимающихся литературным творчеством народов хиндиязычного ареала. В 1964 г. вышел в свет большой труд о песенной поэзии на бунделькханди, автором которого был Шьямсундар Бадал [12]. По существу, это было капитальное исследование литературы на одном из основных диалектов этой области со времени ее зарождения до наших дней.

Последней по времени публикацией является фундаментальный труд профессора Сатьендры по истории литературы на брадже [23], который в период средневековья являлся основным литературным языком всей Северной Индии. В своем труде Сатьендра показал, что литература на брадже существует и поныне, развиваясь во многом под влиянием традиции и обогащаясь за счет опыта других, более развитых культур. Но

хотя Сатьендра рассматривает брадж всего лишь как диалект хинди и с самого начала выступает против идей, высказанных Санкритьяном, вся совокупность изложенных в его книге фактов, особенно относящихся к современности, может служить серьезным аргументом в пользу концепции сторонников радикального крыла «джанапада андолан».

Каких бы взглядов ни придерживались авторы названных выше работ на соотношение язык — диалект, объективно их труды утверждают растущую самостоятельность региональных языков, которые в ходе развития проявляют все большую тенденцию к превращению в полноправные литературные языки.

Применительно к самой литературе хинди идеи представителей радикального крыла «джанапада андолан» свое наиболее полное и последовательное воплощение получили в книге Ш. Чаухана «Восемьдесят лет литературы хинди» [36, рус. пер. 3].

В отличие от многих современных авторов — историков литературы хинди, которые, стремясь доказать древность этой литературы, вслед за своим духовным отцом — Рамчандрой Шуклой включают в нее все то, что создавалось в средние века на языках и диалектах данного ареала, Шивдансинх Чаухан под литературой хинди понимает только одно — литературу на кхари боли в шрифте деванагари, исключая из нее все то, что когда-либо появлялось на других языках и диалектах, существующих в ареале хинди [3, 43]. В таком понимании литература хинди насчитывает уже не восемь—девять веков, а всего лишь около ста лет. Даже если учесть отдельные переводы с санскрита, появившиеся в конце XVIII в., т. е. то, что Чаухан называет предьсторией литературы хинди, и в этом случае ее возраст не превысит двух столетий. И это нисколько не может принизить литературу хинди или умалить ее значение, ибо, как пишет Чаухан, «поистине можно гордиться, что за столь короткий промежуток времени литература хинди получила такое всестороннее развитие» [там же, 47].

Критикуя сторонников и последователей Шуклы, Чаухан показывает антисторизм и субъективно-апологетический характер их построений. Включая в литературу хинди все, что создавалось в средние века на раджастхани, майтхили, брадже и авадхи (и таким образом доказывая, что зарождение литературы хинди относится к VIII—X вв.), они незаметно подменяют объект исследования, когда переходят к рассмотрению современности: здесь литературу хинди они ограничивают лишь рамками кхари боли, полностью игнорируя современное литературное творчество на региональных языках. Вследствие этого история литературы хинди новейшего периода изображается односторонне и предвзято: целые пласты литературы, создающейся на диалектах, выпадают из поля зрения историков, в результате чего языковая ситуация и литературно-исторический

процесс в этом ареале предстают в упрощенном и обедненном виде.

Необходимость развивать основные региональные языки ареала хинди признавалась и в такой работе, как подготовленный подкомитетом при комиссии Коммунистической партии Индии по вопросам культуры проект резолюции по национально-языковому вопросу в областях хиндустани [52]. Через этот документ красной нитью проходит мысль о том, что процесс складывания «хиндустанской нации» близок к завершению, хотя и остался ряд проблем, мешающих появлению национального языка — хиндустани. Первой такой проблемой в «Пояснительной записке к проекту» назван «разрыв между языком, на котором говорят в городах Дели, Агре, Алигархе, Канпуре, Лакхнау, Аллахабаде, Варанаси и других (т. е. хиндустани, или кхари боли. — В. Ч.), и различными диалектами, на которых говорят в деревне» [44].

Вследствие известной односторонности подхода к национально-языковой проблеме в хиндиязычном ареале население таких областей, как Брэджд, Авадх, Бунделькханд и некоторые другие, было полностью и безоговорочно включено в состав «хиндустанской нации» [52, 9, 18, 27]. Однако в отношении Раджастхана, Гархвала и прилегающих к нему гималайских районов, а также в отношении районов распространения бихарских диалектов составители вынуждены были принять совершенно иную точку зрения.

В отношении бходжпури, магахи и майтхили в проекте говорилось, что «они представляют собой языки национальностей феодальной эпохи», сохранившие значительное своеобразие, поскольку «население этих областей было гораздо меньше втянуто в процесс национальной консолидации, чем, к примеру, население, говорящее на браджге или авадхи» [там же, 27]. Поэтому, хотя в проекте и утверждалось, что «они уже не являются более языками отдельных национальностей, а сведены до положения диалектов», было признано необходимым «обеспечить народу возможность, по крайней мере на начальной ступени, получать образование на этих диалектах, а также использовать их в передачах Всеиндийского радио» [там же, 28].

О Раджастхане, Гархвале и соседних районах говорилось, что «они имеют свою собственную национальную и культурную историю», а «их языки по всем признакам хорошо развиваются и как будто вовсе не собираются ассимилироваться с хинди» [там же, 27].

Что касается политики различных партий по отношению к хинди и диалектам его ареала, то автор «Пояснительной записки» в полном соответствии с языковой практикой первых лет независимости квалифицирует ее в следующих словах: «Политика Конгресса и правящих классов заключается в том, чтобы развивать хинди путем подавления диалектов области хинду-

стани во имя единого языка для единого народа. Эта политика помогает силам реакции и ревайвализма... Политика рабочего класса и Коммунистической партии должна служить поощрению литератур, создаваемых на диалектах, и сближать хинди и урду с ними» [там же, 45].

Аналогичной точки зрения придерживается также прогрессивный деятель и публицист Ш. С. Нарула в книге по истории языка хинди, которая как бы подвела итоги полемики [51]. Не разделяя радикализма Чаухана и Санкритьяяна, Нарула признает, что «такие языки, как брадж, авадхи, раджастхани, бходжпури, бунделькханди, магадхи и майтхили, будучи родными языками десятков миллионов людей, тесно связанных с землей, продолжают процветать и поныне» [там же, 96].

Исходя из того, что в средние века на этих языках создавались прекрасные поэтические произведения, Нарула призывает развивать эти региональные языки наряду с хинди, ибо они, с одной стороны, отвечают насущнейшим потребностям народных масс, а с другой — обеспечивают развитие и самого хинди. «Развитие этих бхаша и их расцвет как литературных языков, — пишет Нарула, — послужат для хинди неистощимым источником живой разговорной речи» [там же, 106]. Однако развитие региональных языков хиндиязычного ареала диктуется в первую очередь необходимостью обучать народные массы грамоте на их родном языке. «Эти народные языки, — пишет Нарула, — должны стать средством обучения на начальной и даже средней ступени; на средней же ступени учащиеся должны иметь право выбирать между родным языком и хинди» [там же, 130]. Более того, Нарула призывает ввести эти народные языки в качестве факультативных даже в университетах хиндиязычного ареала.

Позиция большинства представителей Коммунистической партии Индии в вопросе о судьбе региональных языков и литератур хиндиязычного ареала основывается на демократических принципах равенства и уважения прав всех языков, больших и малых, во всех сферах жизни, в том числе и национально-языковой. Впрочем пути решения языковой проблемы в данном ареале предлагаются разными представителями КПИ, такими, как Р. Санкритьяян, Ш. Чаухан, А. С. Джафри и Ш. С. Нарула.

Принципиальная позиция представителей КПИ по национально-языковому вопросу в данном ареале остается неизменной, что подтверждает вышедшая в конце 1970 г. книга члена Компартии Индии С. Н. Мазумдара «Марксизм и языковая проблема в Индии» [49]. Автор приходит к выводу, что «подход, который пытается ограничить языковую проблему [в Индии] лишь теми языками, которые названы в Приложении [VIII — к Конституции], не только неверен и ненаучен, но также и неприменим на практике» [там же, 62].

Касаясь возможных результатов, к которым может привести развитие местных языков, автор вполне обоснованно пишет, что при демократическом решении вопроса их будущее в конечном счете будет зависеть от значимости и потенциалов того или иного языка, а также воли его носителей. «Принцип равенства всех языков и их права на развитие должен быть недвусмысленно выражен и включен в Конституцию», — пишет С. Н. Мазумдар, предлагая провести законодательные меры, которые теперь, по его мнению, смогут смягчить остроту языкового вопроса: в Приложение VIII необходимо включить некоторые наиболее развитые языки. В числе таких языков, относящихся к индоарийской группе, наряду с непали и конкани Мазумдар называет также ряд языков, входящих в орбиту распространения хинди, причем первыми — майтхили и раджастхани. Кроме этих двух языков, он упоминает бходжпури, магахи и чхаттисгархи, ссылаясь на мнение Чаттерджи, высказавшегося за то, чтобы и эти языки были включены в Приложение VIII Конституции [там же, 60].

В своей работе С. Н. Мазумдар недаром ссылается на мнение Чаттерджи. Крупнейший филолог, немало своих работ посвятивший языковой проблеме в Индии, Чаттерджи относится к числу демократически настроенных и прогрессивно мыслящих ученых современной Индии. В своих работах он выступает за демократическое решение языкового вопроса в Индии с учетом законных прав и интересов всех населяющих ее народов, больших и малых. Эту свою принципиальную позицию Чаттерджи продемонстрировал в период деятельности комиссии, созданной указом президента Индии в 1955 г. для изучения вопроса об официальном (государственном) языке страны.

Комиссия должна была разработать конкретные рекомендации президенту Индии относительно «прогрессирующего употребления языка хинди для официальных целей в [Индийском] Союзе» [56, 1] и вытекающих отсюда конкретных задач языковой политики. В состав комиссии вошли видные ученые и общественные деятели — представители различных культурно-лингвистических ареалов Индии. Наряду с двадцатью другими учеными в состав комиссии был включен также Чаттерджи, занимавший в то время пост председателя Законодательного собрания штата Западная Бенгалия. После нескольких месяцев напряженной работы комиссия представила президенту объемистый доклад, в котором были разработаны конкретные рекомендации по расширению сферы социального функционирования хинди и постепенного ограничения сферы английского языка.

Чаттерджи и двое других членов комиссии выразили несогласие с мнением большинства и представили разработанный ими так называемый Доклад меньшинства [45, 271—314]. Протестуя против поспешного введения хинди в качестве единст-

венного официального языка для всей страны и постепенного вытеснения английского языка, он высказал мнение, что Приложение VIII к Конституции страны должно быть значительно расширено путем включения в него целого ряда языков, относящихся к различным языковым семьям: индоарийской, тибето-китайской, мунда и мон-кхмерской [там же, 312]. Среди индоарийских языков Чаттерджи наряду с синдхи³ и непали назвал майтхили и раджастхани, «а впоследствии, может быть, нужно будет включить также и бходжпури, магахи и чхатти-сгархи» [42, 312].

Поскольку Чаттерджи всегда проявлял значительный интерес к идеям и практике «джанапада андолан», то не будет преувеличением считать, что рекомендации «Доклада меньшинства» были выработаны не без влияния концепции представителей радикального крыла «движения за народный язык».

Чаттерджи и в последующие годы старается следить за литературно-лингвистической деятельностью внутри хиндиязычного ареала. Это, в частности, нашло свое проявление в том, что, создавая свой труд о языках и литературах современной Индии, Чаттерджи счел необходимым дать, пусть самые краткие, сведения о литературной деятельности на майтхили, магахи и бходжпури [41, 39—40].

Развитие региональных литератур хиндиязычного ареала Чаттерджи поддерживает, находясь на посту президента Литературной академии Индии, и последовательно проводит линию на признание наиболее развитых бхаша в качестве самостоятельных литературных языков.

Идеи «джанапада андолан» были настолько сильны, что оказали влияние даже на такую организацию по пропаганде хинди, как созданное в 1893 г. бенаресское Общество пропаганды хинди (НПС), которое в основу своего подхода к проблеме хинди положило концепцию Рамчандры Шуклы. Под влиянием этого движения и вышедших в 50-е годы работ по отдельным региональным литературам, руководство НПС, разрабатывая план издания многотомной истории литературы хинди, отвело предпоследний том целиком фольклору и современному литературному творчеству на диалектах хиндиязычного ареала [27]. Показательно, что в качестве редактора этого тома был приглашен не кто иной, как зачинатель радикального крыла «джанапада андолан» Рахул Санкритьяян, и что вышел этот том раньше многих других томов [51, 130].

Идеи и лозунги радикального крыла «джанапада андолан» воздействовали не только на сферу литературно-лингвистическую, способствуя созреванию региональных языков и ускорению складывания местных литератур, но и на политическую,

---

³ Ныне синдхи уже получил признание в качестве одного из основных языков Индии и включен в Приложение VIII к Конституции.

приводя в движение сначала местную интеллигенцию, а затем все более широкие массы населения хиндиязычного ареала. Это проявляется в том, что из различных областей ареала, со стороны различных организаций по возрождению и пропаганде региональных языков неоднократно выдвигались требования о реорганизации хиндиязычного ареала на лингвистической основе.

Предтечей этих движений за создание административных единиц с учетом расселения носителей региональных языков, входящих в орбиту распространения хинди, было «Движение за создание отдельной провинции Бунделькханд», зародившееся в начале 40-х годов в Бунделькханде под прямым и непосредственным воздействием идей и лозунгов радикального крыла «джанапада андолан» [35, 253]. Рупором этого движения стал упоминавшийся выше журнал «Мадхукар». Это движение ставило своей целью объединение в рамках одной административной единицы всего населения Бунделькханда, разделенного границами многих феодальных княжеств. В тот период оно, несомненно, имело глубоко прогрессивный характер, так как соответствовало интересам широких народных масс, жаждавших освободиться и от чужеземного господства, и от феодальной зависимости.

Не успели отзвучать еще первые, наиболее жаркие дискуссии о будущем реорганизуемого штата Панджаб, в марте 1966 г., как уже из разных концов хиндиязычного ареала посыпались требования создать новые штаты на лингвистической основе, прежде всего из западных областей штата Уттар-Прадеш. Требование о реорганизации штата Уттар-Прадеш не было чем-то новым. «Джанапада андолан» лишь подстегнуло его и придало ему соответствующую форму.

Требование реорганизовать Соединенные Провинции (в дальнейшем — штат Уттар-Прадеш) выдвигалось перед английскими колониальными властями много раз на различных конференциях, проходивших на разных этапах национально-освободительной борьбы начиная с конца 20-х годов. Это требование ставилось перед комиссией Саймона в 1927 г., перед Аллахабадской конференцией единства в 1931 г., перед конференцией Круглого стола 1931 г., наконец, перед английской парламентской делегацией, прибывшей в Индию в 1945 г. Проходившие в 1946 и 1947 гг. конференции представителей различных лингвистических регионов Соединенных Провинций также приняли резолюции в поддержку требования о разукрупнении этой административной единицы [48, 112].

Это требование было вновь выставлено перед Комиссией по реорганизации штатов, созданной в декабре 1953 г., причем главным аргументом были соображения лингвистического плана. Авторы многочисленных петиций, поступивших в адрес Комиссии, указывали, что Уттар-Прадеш охватывает территории

по меньшей мере четырех диалектов (региональных языков): пахари — на севере, брадж-бхаша — в западных областях, авадхи — к востоку от зоны распространения браджа и бихари — в восточных дистриктах.

Кроме собственно лингвистических аргументов, был выдвинут также ряд доводов исторического характера, сводившихся к тому, что западные области штата с первых веков мусульманского владычества в Индии вплоть до последней четверти XIX в. входили в состав одной провинции; объединение западных и восточных областей в составе единой административно-политической единицы произошло лишь в 1877 г., и, следовательно, история существования Соединенных Провинций не насчитывает даже сотни лет.

В пользу раздела были выдвинуты также следующие доводы: 1) с точки зрения географической горные области и плато штата Уттар-Прадеш имеют мало общего с Гангской равниной; 2) современная территория штата непомерно велика, поэтому управление является неэффективным; 3) западные области поставлены в худшее положение, чем восточные, а финансовые средства, поступающие в казну штата из западных областей, расходуются преимущественно на развитие восточных; 4) все штаты, входящие в состав Индийского Союза, должны быть примерно равны по территории и значению, с тем чтобы ни один из них не мог использовать свое положение для решающего воздействия на общеиндийские дела [57, 162].

Меморандум, содержащий предложение о разделе штата Уттар-Прадеш, был представлен Комиссии от имени организации, именованной Комитетом по реорганизации штата Уттар-Прадеш и объединявшей членов Законодательного собрания штата от западных округов. Под этим требованием вначале поставили свои подписи 97 членов Законодательного собрания, однако впоследствии 70 из них сняли свои подписи и тем самым отказались от требования о разделе штата.

Рассмотрев аргументы сторонников и противников раздела, Комиссия по соображениям финансово-экономического и административно-политического плана сочла нецелесообразным и нежелательным раздел штата. Лишь один из членов комиссии — К. М. Паниккар выразил особое мнение по этому вопросу, заключавшееся в том, что на базе существующей административно-политической единицы следует создать два отдельных штата.

После того как в 1966 г. состоялось решение рабочего комитета ИНК и правительства Индии о реорганизации штата Пенджаб на лингвистической основе, требование о разделе штата Уттар-Прадеш было вновь поставлено на повестку дня. «Комитет штата Западный Уттар-Прадеш», созданный в Музаффарнагаре, ссылаясь на различие в языке и традициях между западной и восточной частями штата, а также на удален-

ность столицы штата и недостаточное, с его точки зрения, финансирование западных областей, потребовал выделить западную часть (районы Агры, Уттаракханда, Кумаона, Мератха и Рохилькханда) в отдельный штат, сделав его официальным языком брадж [53, 16.III.1966]. «Комитет борьбы за слияние Харианы», созданный в Дхольпуре, выдвинул план создания отдельного штата «Брадж-мандал», официальным языком которого был бы брадж и который включал бы районы Агры и Мератха, дистрикты Альвар, Бхаратпур и Дхольпур штата Раджастхан, а также Дели [29, 19.III.1966]. Одна из окружных организаций г. Морены (штат Мадхья-Прадеш) поставила вопрос о создании «Чамбал-Прадеш», который, по мысли авторов этого проекта, должен был включить территории долины р. Чамбал, притока Джамны, и прилегающих районов (районы Агры и Джханси, а также территории бывших княжеств Гвалиор, Дхольпур, Бхаратпур, Караули, Датия и Канта) — с почти 30-миллионным населением [29, 23.III.1966].

В первые же дни после решения Рабочего комитета ИНК неоднократно раздавались требования произвести передел и другого крупнейшего хиндиязычного штата — Мадхья-Прадеш. Ссылаясь на огромную площадь штата и его разнородный языковой состав, выдвигались предложения разделить его на ряд более мелких штатов, которые в основном занимали бы территорию расселения носителей основных языков, распространенных в этом штате: мальви, багхели, чхаттисгархи. В соответствии с этим предлагалось создать штаты Мальва, Махакошал, Чхаттисгарх и ряд других [43, 21.III.1966].

Наиболее громкие требования о создании отдельных штатов прозвучали из восточных областей штата Уттар-Прадеш и из Бихара — со стороны представителей населения, говорящего на бходжпури, магахи и майтхили. Это было нечто новое в жизни данного ареала, так как в 1955 г. подобные вопросы еще не вставали. Раздел Пенджаба усилил стремление бходжпурцев к объединению и национальной консолидации. В марте 1966 г. вице-президент «Всеиндийской бходжпурской ассамблеи», находящейся в Бенаресе, потребовал создания отдельного «Бходжпурского штата» для бходжпурского населения штатов Уттар-Прадеш и Бихара. «Мы не можем оставаться молчаливыми наблюдателями, когда правительство Индии перекраивает границы штатов, — заявил он. — Если двадцать дистриктов Пенджаба, едва насчитывающие 20 млн. жителей, из которых только 48% говорят на панджаби, могут требовать создания отдельного Пенджабского штата, то тем большее право на отдельный штат имеют бходжпурцы... составляющие 99% населения этого района» [53, 16.III.1966].

Движение за создание отдельного бходжпурского штата было столь сильно, что центральное правительство направило в Бихар такую влиятельную фигуру, как министр труда

бходжпурец Джагдживан Рам. В речи на пресс-конференции в Патне Рам резко выступил против идеи создания отдельного штата для населения, говорящего на бходжпури [40, 9.IV.1966]. Своим выступлением он несколько охладил пыл поборников самобытности бходжпурского языка и культуры, среди которых, к слову сказать, в этом вопросе не было единства. Одни из них настаивали на создании отдельного штата, другие ограничивались требованием признания бходжпури со стороны Литературной академии и правительств штатов Уттар-Прадеш, Бихар и Мадхья-Прадеш [там же].

Не было единства и в рядах майтхильской интеллигенции: значительная ее часть требует включить майтхили в Приложение VIII Конституции, рассматривая этот шаг как максимум возможного и допустимого для языка, который на протяжении более 50 лет рассматривался лишь как диалект хинди [40, 23 и 25.IV.1966]. Однако по сведениям, скупо просачивающимся в центральную индийскую прессу, среди майтхильского населения Бихара все громче звучало требование создать отдельный «Майтхильский штат» [29, 20.IV.1966]. Аналогичное требование было выдвинуто и интеллигенцией тех районов, население которых говорит на магахи [40, 28.IV.1966].

Уже сам факт выдвижения подобных требований чрезвычайно показателен. Он свидетельствует о том, что идеи радикального крыла «джанапада андолан» находят все большее число сторонников и последователей не только в среде интеллигенции, но и в широких массах.

Идеи радикального крыла «джанапада андолан» разделяют и развивают не только демократически настроенные круги современной Индии. Большой интерес к радикальному крылу «джанапада андолан» и к литературному творчеству на региональных языках как конкретной реализации этих идей проявляли и индийские феодалы, многие из которых задолго до рождения самого движения выступали как поборники и защитники местных языков и литературы.

Хотя характерную черту развития региональных литератур составляет то, что в качестве ее создателей выступают главным образом представители местной разночинной интеллигенции, преимущественно преподаватели школ и колледжей, однако в силу специфики исторического развития Индии здесь вплоть до второй половины XX в. сохранялось такое реликтовое, типичное для средневековья явление, как придворные поэты. В Митхиле, княжествах Раджастхана, Бунделькханда и Гархвала придворные поэты составляли значительную часть тех, кто создавал произведения, в основном стихотворные, на местном наречии. Ликвидация княжеств, проведенная в первые годы независимости, привела к тому, что придворные поэты оказались не у дел и большинство тех, кто еще недавно услаждал слух своих сановных покровителей, доживает свой век на

мизерные пенсии, дарованные их прежними повелителями. Это, естественно, не могло не вызвать у них резко оппозиционных настроений к правительству, особенно в начальный период существования независимой Индии.

Между прогрессивными силами, которые борются за экономический и социальный прогресс, за дальнейшую демократизацию общественной жизни, видя в развитии местного языка мощное средство подъема масс на борьбу за коренные социальные преобразования, и силами реакции, стремящимися использовать местный язык для утверждения средневековой отсталости, разжигания религиозного фанатизма и шовинизма, идет острая идеологическая борьба, и преимущество в этой борьбе далеко не всегда оказывается на стороне прогрессивных сил.

Лишенные власти, однако сохранившие значительное влияние, преждние раджи и махараджи действуют как «просвещенные монархи», стремясь обратить себе на пользу национально-языковой вопрос и тем самым закрепить свои позиции в идеологии и политике. Возьмем, к примеру, вопрос о майтхили. Как известно, майтхили — один из наиболее развитых языков хиндиязычного ареала. Однако признание его в качестве самостоятельного литературного языка затянулось на многие годы. Существенную роль в том, что майтхили, до 1911 г. считавшийся диалектом бенгали, а после 1911 г. — диалектом хинди, постепенно завоевывает признание в качестве самостоятельного языка, сыграли представители феодальных сил.

Так, решающее значение в становлении современной майтхильской литературы и национально-языковой консолидации майтхильцев имела пресса на майтхили, в частности журнал «Митхила михир», выходивший с 1908 г. при щедрой финансовой поддержке, которую оказывал ему махараджа Дарбханги [50, II, 10]. Признание майтхили Калькутским университетом в 1917 г. было достигнуто с помощью и при содействии раджи княжества Банаули [там же, 12].

В 1938 г. майтхили получил признание Патнинского университета, который в течение почти 20 лет со дня своего создания отказывался принять его в качестве самостоятельного языка. Это произошло тоже не без участия и личного влияния махараджи Дарбханги [там же].

Махараджа последовательно отстаивал самобытность майтхили в то время, как некоторые поборники хинди, в том числе Рамвилас Шарма, доказывали, что майтхили — не более как диалект хинди, не имеющий права на самостоятельное существование [38, 201—212]. И тот факт, что правительство независимой Индии в 1950 г. удовлетворило требование населения Митхилы о введении преподавания на майтхили в начальных и средних школах этого района [50, II, 148], во многом объясняется активной деятельностью, которую в первые годы независи-

мости развернули правители прежних княжеств Северного Бихара.

В таких условиях майтхильская интеллигенция, особенно старшее ее поколение, воспитанное в монархических традициях, естественно, тянулось к «защитнику» родного языка — махарадже Дарбханги, который в ее глазах становился выразителем идей национального возрождения и национальной консолидации. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на всех конференциях майтхильских писателей, проходивших в независимой Индии, в качестве почетного гостя присутствовал покровитель изящной словесности на родном языке махараджа Дарбханги [9, 5—6].

Возьмем другой пример — Бунделькханда. Одним из наиболее влиятельных центров «джанапада андолан» с первых же дней его зарождения стал г. Тикамгарх, столица небольшого княжества Орчха (в Бунделькханде), раджа которого с самого начала оказывал активную моральную поддержку «движению за народный язык» [26, 21]. После того как Б. Чатурведи выдвинул лозунг «децентрализации», в Тикамгархе в дополнение к существовавшему здесь «Литературному совету в честь [раджи] Виренды», основанному в 1910 г., по инициативе раджи был создан «Совет народной речи», который ставил перед собой цель изучения народного языка и культуры Бунделькханда [28, 380]. Совет занялся сбором, изучением и публикацией произведений народных поэтов Бунделькханда и образцов местного фольклора: песен, сказаний, сказок, пословиц и поговорок [26, 21]. Его члены провели огромную работу по сбору, обработке и изданию литературного наследия основоположника современной бунделькхандской литературы — народного поэта Исури. Совет издавал трехмесячный журнал «Народная речь» и готовил словарь бундели [28, 380]. На средства правителя Орчхи издавался также журнал «Мадхукар», опубликовавший на своих страницах немало образцов фольклора и стихов местных поэтов [26, 21]. За счет отчислений из казны правителя Орчхи была учреждена также «Премия Дэва», которая присуждалась за лучшие поэтические произведения года, создававшиеся на хинди и брадже [28, 384].

Правитель захудалого княжества раджа Орчхи активно поддерживал движение за создание объединенной провинции Бунделькханд, видя в этом средство упрочить свою репутацию «просвещенного монарха» и закрепить свою ведущую роль в местных политических кругах в случае, если это движение увенчается успехом. Ликвидация княжеств положила конец честолюбивым замыслам правителя Орчхи, однако не смогла, по-видимому, поколебать его репутации покровителя и защитника родного языка.

В последние годы со страниц прессы все чаще звучат требования о создании отдельного горного штата. В этот штат, по

мысли авторов проекта, должны войти горные области на северо-западе штата Уттар-Прадеш, население которых говорит на пахарских языках — гархвали и кумаони. Создание отдельного горного штата, как они считают, поможет населению этой области вырваться из тисков нищеты и отсталости, будет способствовать быстрейшему экономическому и социальному развитию. Это требование поддерживают прогрессивные силы Сиверной Индии, в том числе коммунисты, а также прежние правители княжеств, существовавших здесь до 1948 г. В частности, активное участие в подготовке и проведении конференции горских народов, состоявшейся в начале января 1971 г. в Котадваре (Гархвал), принимал бывший махараджа Гархвала. На ней присутствовали все члены Законодательного собрания штата Уттар-Прадеш от горных областей [8, 5.1.1971].

Однако участие феодальных сил в «движении за народный язык» и в развитии региональных литератур данного ареала не должно создавать превратного впечатления о характере и направленности этого процесса. Участие в нем прежних правителей феодальных княжеств само по себе еще не делает это движение обращенным в прошлое, т. е. явлением антинародным и реакционным. Вопрос о характере движения в каждой из областей данного ареала должен решаться конкретно-исторически, с учетом того, насколько оно отвечает демократическим требованиям широких народных масс, служит делу социального раскрепощения трудящихся.

Феодално-брахманские элементы берут в свои руки руководство движением лишь там, где слабо влияние прогрессивных сил. Там же, где организации прогрессивных сил, прежде всего коммунистов, достаточно сильны, феодальные силы отступают перед их натиском, не теряя, однако, надежды вернуть себе руководство движением при благоприятном стечении обстоятельств.

Все изложенное позволяет утверждать, что движение по языковым вопросам в областях хинди не только существует, но и добивается определенных успехов, воздействуя как на массы, так и на позицию правящей партии — ИНК.

В качестве одного из результатов «джанапада андолан» прежде всего следует рассматривать тот «лингвистический взрыв», который отмечен переписью 1961 г. по сравнению с 1951 г., т. е. небывалое увеличение числа тех, кто назвал диалект своим родным языком. Например, число назвавших авадхи увеличилось в 170 раз, майтхили — почти в 56 раз и т. д. Этот «взрыв» был подготовлен не только объективными процессами, но в известной мере и систематической, целеустремленной деятельностью местных организаций по пропаганде местного языка. В частности, активный общественный деятель Чандронатх Мишра Амар пишет: «Митхила полностью пробудилась во время переписи 1961 г. Организации по пропаганде

и утверждению майтхили — „Великое майтхильское собрание“, „Совет майтхильской литературы“, „Майтхильский союз“ и другие — встретили перепись во всеоружии: они устраивали митинги, рассылали открытки, расклеивали плакаты, распространяли листовки, призывая каждого встать на защиту родного языка» [10, 430].

Подобный «лингвистический взрыв», подкрепленный принятым все более массовый характер движением, в сочетании с высоким уровнем развития майтхильской литературы привел к тому, что в марте 1965 г. Литературная академия Индии вынуждена была признать майтхили в качестве самостоятельного литературного языка. В соответствии с этим решением премия Литературной академии за 1968 г. была впервые в истории майтхильского народа присуждена Вайдьянатху Мишре (в истории литературы хинди более известному под псевдонимом «Нагарджун») за сборник стихов, написанных на майтхили — «Безлистное голое дерево».

Для раджастханского народа определенной вехой явился 1971 год. В конце марта 1971 г., выступая на состоявшейся в Дели церемонии вручения премий, ежегодно присуждаемых Литературной академией Индии за лучшие произведения года, президент Академии С. К. Чаттерджи заявил, что вслед за майтхили, а также рядом других индийских языков признание Литературной академии получил, наконец, и раджастхани [45, 98—99].

В 1970 г. на рассмотрение Литературной академии был поставлен вопрос о признании бходжпури [11, 1971, № 3—4]. И это не случайно⁴. Как отмечают все исследователи литературного творчества, в хиндиязычном ареале литература на бходжпури существовала еще в раннее средневековье. Отдельные стихи на бходжпури встречаются у Кабира (XV в.) и ряда других поэтов. Как язык поэзии бходжпури стал регулярно использоваться с конца XIX в. Новый подъем литературной активности на бходжпури отмечается в 40-е годы, особенно после завоевания Индией независимости. В 40—50-е годы складываются прозаические жанры. Ныне на бходжпури выходит 11 периодических изданий, во многих городах функционируют общества по развитию бходжпурской литературы, крупнейшим из которых является «Бходжпурская ассамблея» в Бенаресе. По данным специального выпуска журнала «Анджор», редакция которого по требованию Литературной академии подготовила полную библиографию изданий на бходжпури, число публикаций на бходжпури, начиная с конца XIX в. до лета 1970 г., составляло 193 названия, среди которых было 6 романов и 4 сборника статей по различным отраслям знания [15].

⁴ По данным переписи 1961 г., число тех, кто назвал бходжпури своим родным языком, составило около 7,8 млн.; в 1971 г. эта цифра возросла почти вдвое — до 14,3 млн. [40а, 333].

В 1971 г. число публикаций на бходжпури намного превышало цифру 200. В том же году в Бихарском университете (Музафарпур) бходжпури стал изучаться на первых курсах в качестве отдельного предмета [25а, 384]. В 1972 г. вышел в свет первый капитальный труд по истории бходжпурской литературы.

Конечно, не следует переоценивать значение признания со стороны Литературной академии. Оно совсем не означает, что отныне для региональных языков открыт свободный доступ во все основные сферы общения и средства массовой информации. Доступ туда, особенно в сферу просвещения и в государственный аппарат, пока еще остается наглухо закрытым для них. Признание Литературной академией означает лишь возможность для местных писателей и поэтов, создающих свои произведения на данном языке, получать премию, которая присуждается ежегодно за выдающиеся произведения, выходящие на основных языках Индии. И все же признание со стороны Литературной академии — это свидетельство успехов движения за народный язык в областях распространения хинди. Литературная академия вынуждена делать это, несмотря на противодействие защитников «раштра-бхаша» («национального языка»), которые стремятся изобразить эти шаги как стремление «низвергнуть хинди». Признавая необходимость изучения диалектов и даже допуская возможность литературного творчества на них, они выступают против использования их в школе, видя в этом опасность для хинди, который, по их мнению, является родным языком для всех тех, кто живет в данном ареале, независимо от того, на каком диалекте он говорит.

Чрезвычайно показательной в этом плане являлась позиция, занятая известным поэтом хинди Макханлалом Чатурведи. «Конечно, я хотел бы, чтобы угасающая литература на марвари, мальви, бунделькханди, брадже, майтхили и других диалектах предстала перед нами во всем своем блеске, — пишет М. Чатурведи, — но я не могу себе представить, чтобы учебники для этих провинций печатались на местных диалектах. Нет ничего плохого в том, чтобы пробудить местный патриотизм, однако я боюсь, что междоусобица приведет к крушению всего хиндиязычного мира» [17, 34]. Такого же мнения придерживался и президент крупнейшей организации — «Общества пропаганды хинди» в Бенаресе — Бхавани Даял Саньяси, которому перевод преподавания на местные диалекты даже в объеме программы начальной школы представлялся как «очень большой ущерб для Индии и для хинди», как «преступление по отношению к национальным устремлениям» [там же, 36—37].

С самыми яростными нападками обрушился на эти идеи известный исследователь литератур данного ареала Сатъендра. В пылу полемики Сатъендра доходит до того, что выступление Р. Санкритьяна объявляет чисто политическим маневром, на-

правленным на то, «чтобы ослабить политическую силу и идеи, персонифицированные в Ганди, и в конечном счете ослабить Индию» [там же, 95] путем расчленения и изоляции диалектов, бытующих в ареале распространения хинди. «Осознание отдельности [диалектов] — самое лучшее оружие, чтобы умертвить хинди... — писал Сатъендра. — Если усилия, направляемые из Тикамгарха⁵, увенчаются успехом, хинди лишится корней, уподобится лотосу, вырванному из пруда» [там же, 97].

Конечно, только полемическим пылом можно объяснить обвинения, брошенные Сатъендрой в адрес Санкритьяяна: обвинять активного участника национально-освободительного движения в том, будто он стремится подорвать это движение, по меньшей мере нелогично, так же как и закрывать глаза на ту роль, которую отводил в своей схеме языку хинди идейный руководитель радикального крыла «джанапада андолан». В схеме Санкритьяяна хинди и местные языки — не антагонисты, как старается представить Сатъендра, а союзники в борьбе за свободную демократическую Индию.

Сатъендра не заметил, что, выдвигая свой план развития местных языков, Санкритьяян вместе с тем подчеркивал и ту роль, которую играет хинди сейчас и которую ему предстоит играть в будущем, после того как местные языки станут средством обучения. Роль хинди как языка межпровинциального (межобластного) общения должна еще больше возрасти для расширения и укрепления политических, экономических и культурных связей между различными регионами [22, 29]. По мысли Санкритьяяна, это будет иметь важные лингвистические последствия и для самого хинди: он сблизится со своей народно-разговорной основой и освободится от элементов искусственности, которые были привиты ему в процессе развития [там же, 30].

Критикуя «тех, кто больше всего заботится о том, как бы развитие местных языков не нанесло ущерба хинди», и усматривая в этом «воздействие реакционных тенденций» [20, 88—89], другой исследователь мальвийской литературы — Шьям Пармар формулирует отношение к хинди со стороны местной интеллигенции в следующих словах: «Хинди — единодушно признанный „национальный язык“. Именно он является для нас языком межобластного общения, и те, которые требуют развития своих родных языков, никогда не выступали против хинди. Они хотят только одного — чтобы им также была предоставлена возможность развивать свой язык наряду с хинди» [там же, 89].

Аналогичную позицию по отношению к хинди занимают представители майтхили и раджастхани — тех региональных языков данного ареала, которые уже получили признание Литературной академии Индии. Так, член Литературной академии,

---

⁵ Намек на Б. Чатурведи, который жил тогда в Тикамгархе.

ревностный поборник майтхильского языка и литературы, Раманатх Джха заявляет: «Мы, представители Митхилы, — не антагонисты хинди, мы любим хинди и высоко почитаем его, однако мы не хотим, чтобы майтхили пренебрегали, тем более мы не хотим, чтобы его подавляли» [47, 10].

«У тех, кто стоит за признание раджастхани, нет совершенно никаких намерений противодействовать росту и развитию хинди, — говорилось в „Меморандуме“, который был распространен среди делегатов IV конференции писателей Азии и Африки в Дели. — Они единодушны в том, что хинди по праву занимает место связующего языка (link-language) страны, который можно квалифицировать как государственный, или официальный, язык» [55, 8].

А II конференция писателей Раджастхана, состоявшаяся в октябре 1970 г., четко выразила свои позиции по языковому вопросу в Раджастхане, записав в резолюции следующее: «Конституционное непризнание [раджастхани] порождает бесчисленные трудности для раджастханского народа, который стремится читать, писать, выражать радость и горе на своем родном языке. Конференция единодушно решила вести упорную борьбу за демократическое право народа говорить и писать на своем родном языке. Вместе с тем раджастханские писатели придерживаются того мнения, что хинди должен быть принят как связующий язык (link-language) страны» [21, 2].

Наиболее полное освещение проблемы отношений между хинди и региональными языками получила в статье Ш. Чаухана «Языковой вопрос и единство Индии», опубликованной на страницах делийского журнала «Алочана» [33, 1—8, 209—210]. Чаухан показывает, что сторонники хинди в своем стремлении любыми средствами добиться введения хинди в качестве единственного государственного языка не считают с интересами ни национальных меньшинств, ни широких масс, говорящих на региональных языках данного ареала. Тем самым они лишают их возможности получать образование на родном языке. Чаухан указывает, что такое положение совсем не способствует единству Индии, ибо оно чревато социальными коллизиями на почве языка, и что подлинное единство Индии может быть достигнуто лишь путем признания права народа использовать свой родной язык.

Процесс формирования развитых языков из тех форм, которые прежде считались диалектами, ни в коей мере не означает подрыва единства страны, считает Чаухан, точно так же, как единству Индии никогда не угрожало развитие бенгали, тамили или какого-либо другого языка. «Если мы будем справедливы по отношению ко всем языкам, — пишет он, — и обеспечим их полное признание в пределах территорий их распространения... то от этого политическое и языковое единство страны лишь еще больше окрепнет» [там же, 209].

Опасения за судьбу хинди как государственного языка, по мнению Чаухана, представляются совершенно беспочвенными, ибо, даже если хинди будет представлять собой «язык незначительного меньшинства», охватывающего средние слои городского населения (каким он, по существу, и является в настоящее время) общей численностью 10—15 млн., «все нации добровольно, с радостью примут хинди... в качестве языка-посредника» [там же, 210].

Таким образом, мы можем с полным основанием утверждать, что борьба народов хиндиязычного ареала за официальное признание родных языков, находящая наиболее полное выражение в лозунгах радикального крыла «джанапада андолан», вовсе не означает стремления «ниспровергнуть» или «принизить» хинди. Это борьба за национально-лингвистическое самоопределение в рамках Индийского Союза, за право беспрепятственно использовать свой язык во всех жизненно важных сферах, в том числе — в просвещении и официальном делопроизводстве. Что касается хинди, то у населения данного ареала совсем иное отношение к нему, чем, к примеру, у тамильской или бенгальской интеллигенции: если последняя выступает открыто против хинди, то раджастханский, майтхильский и все другие народы данного ареала, добиваясь признания своего языка, вместе с тем стремятся сохранить хинди как свое общее достояние, как язык межобластного и межнационального общения.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

1. Дьяков А. М. Национальный вопрос и английский империализм в Индии. М., 1948.
2. Дьяков А. М. Национальный вопрос в современной Индии. М., 1963.
3. Чаухан Ш. Очерк литературы хинди (пер. с хинди). М., 1960.
4. Чернышев В. А. Диалекты и литературный хинди. М., 1969.
5. Чернышев В. А. К вопросу о специфике языковой ситуации в областях распространения хинди.— «Народы Азии и Африки», 1968, № 2.
6. Чернышев В. А. Романы Рену.— «Современная индийская проза», М., 1961.

На хинди

7. Агравал В. Джанападия карьякрам (Программа не благо джанападам).— «Мадхукар», № 1—10, 1944.
8. «Адж». Варанаси.
9. «Акхиль бхаратия майтхили сахитья саммелан» (Всеиндийская конференция майтхильской литературы). Дарбханга, 1962.
10. Амар Ч. М. Майтхили андолан; эк сарвекшан (Движение за майтхили: обзор). Дарбханга, 1962 (на майтхили).
11. «Анджор», Патна.

12. Ба да ль Ш. Бундели на пхаг-сахитья (Песенная поэзия на бундели). Ратх (Хамирпур), 1964.
13. Ба х р и Х. Грамин хинди болиян (Деревенские диалекты хинди). Аллахабад, 1967.
14. «Брадж бхарати», Матхура.
15. «Бходжпури сахитья ка санкшипт паричай звам бходжпури ка пракашит сахитья» (Краткое знакомство с бходжпурской литературой и печатные издания на бходжпури). Патна, 1970.
16. Ди к ш и т Т. Авадхи аур уска сахитья (Авадхи и литература на нем). Дели, [1954].
17. «Мадхукар», Тикамгарх, 1944, № 1—10.
18. Ме на р и я М. Раджастхани бхаша аур сахитья (Раджастханский язык и литература). Аллахабад, 1951.
19. Ме на р и я П. Раджастхани бхаша ки рупрекха аур маньята на прашн (Очерк языка раджастхани и проблема его признания). Бенарес, 1953.
20. Па р ма р Ш. Мальви аур уска сахитья (Мальви и литература на нем). Дели, [1953].
21. «Раджастхани бхаша ки маньята» («Признание языка раджастхани»). Борунда, 1970.
22. Са н к р и тья я н Р. Матри-бхашаон ка прашн (Проблема родных языков).— «Мадхукар», № 1—10, 1944.
23. Са тья н д ра. Брадж-сахитья ка итихас (История литературы на брадже). Аллахабад, 1967.
24. Ти ва ри У. Бходжпури бхаша аур сахитья (Бходжпурский язык и литература). Патна, 1954.
25. У па д хья я К. Бходжпури аур уска сахитья (Бходжпури и литература на нем). Дели, [1957].
- 25а. У па д хья я К. Бходжпури сахитья ка итихас (История бходжпурской литературы). Варанаси, 1972.
26. У па д хья я К. Лок-сахитья ки бхумика (Введение в фольклор). Аллахабад, 1957.
27. «Хинди сахитья ка брихат итихас» («Полная история литературы хинди»), т. XVI. Каши (Варанаси), 2017 [1960].
28. «Хинди севи-сансар» («Мир служителей хинди»). Лакхнау, 1951.
29. «Хиндустан». Дели.
30. Ча т у р ве ди Б. Джанападия карья: махатвапури сахитьяк якша (Работа на благо джанапад — важная литературная задача).— «Аша», Сасни, 1972.
31. Ча т у р ве ди Б. Сахитья кшетра мен викендрикаран (Децентрализация в сфере литературы) — «Мадхукар», 1944, № 1—10.
32. Ча т у р ве ди Б. Сахитья саммелан аур викендрикаран (Литературная конференция и децентрализация).— «Мадхукар», 1944, № 1—10.
33. Ча у х а н Ш. Бхаша ка прашн аур бхарат ки экта (Языковой вопрос и единство Индии).— «Алочана». Дели, 1965, № 34.
34. Ча у х а н Ш. Джанападия бхашаон ка прашн (Проблема народных языков).— Ча у х а н Ш. Сахитья ки самасьен. Дели, 1959.
35. Ча у х а н Ш. Сахитья ки самасьен (Проблемы литературы). Дели, 1959.
36. Ча у х а н Ш. Хинди сахитья ке асси варш (Восемьдесят лет литературы хинди). Дели, 1954.
37. Ша р ма Р. Бхаша аур самадж (Язык и общество). Дели, 1961.
38. Ша р ма Р. Майтхили аур хинди (Майтхили и хинди).— Шарма Р. Прагатишил сахитья ки самасьен. Агра, 1954.

На английском языке

39. All India Language Conference Report. Calcutta, 1958.
40. «Amrita Bazar Patrika», Calcutta.
- 40a. Census of India, 1971. Language Handbook on Mother Tongues in Census. Census Centenary Monograph № 10. Delhi, 1972.

41. Chatterji S. K. Languages and Literatures of Modern India. Calcutta, 1963.
42. Chatterji S. K. A Note of Discent.— «Report of the Official Language Commission». Delhi, 1957.
43. «Hindustan Times». Bombay, Delhi.
44. «Indian Literature». Bombay, 1953, № 1.
45. «Indian PEN». Delhi, 1971, № 4.
46. Jafri A. S. Why Two Literary Forms — Urdu and Hindi? A Short Supplementary Note on the Draft.— «Indian Literature», 1953, № 1.
47. Jha R. Problems of Maithili.— «Indian Literature», Delhi, 1969, vol. XII, № 4.
48. Kodesia K. The Problems of Linguistic States in India. Delhi, 1969.
49. Mazumdar S. N. Marxism and the Language Problem in India. Delhi, 1970.
50. Mishra J. A History of Maithili Literature. Allahabad, vol. I, 1949, vol. II, 1950.
51. Narula Sh. S. Scientific History of the Hindi Language. Delhi, 1955.
52. On the Formation of the Hindustani Nation and the Problem of Its National Language.— «Indian Literature», 1953, № 1.
53. «Patriot», Delhi.
54. «People's Age», Delhi.
55. «Rajasthani», a Note Presented in the Afro-Asian Conference... by the Delegation from Rajasthan. Delhi, 1970 (mimeo).
56. Report of the Official Language Commission. Delhi, 1957.
57. Report of the States Reorganisation Commission. Delhi, 1955.